

М. ГОРЬКИЙ

БЕСЕДА С ДРАМАТУРГАМИ

«Мне кажется, что как всякий труд в Союзе Советов — литература должна быть тоже трудом коллективным...» — писал А. М. Горький в статье «О воззванных и «начинающих» в 1928 году.

Идею коллектизма в творчестве Горького настойчиво проводил и на Первом всесоюзном съезде писателей, и во многих других своих устных и печатных выступлениях, считая, что этот ее принцип нужно распространить на все области искусства. После Первого съезда писателей, по инициативе Горького, начинается выпуск ряда коллективных работ: серии произведений по истории фабрик и заводов, книги «День

мира» и т. д. Горький изучает положение в различных отраслях искусства, встречается с мастерами театра, кинематографии. У себя на квартире 4 апреля 1935 года он собрал группу драматургов, чтобы поделиться мыслями по поводу объединения усилий деятелей различных видов искусства. Это его выступление не было опубликовано. Сегодня мы знакомим читателей с сокращенной стенограммой речи А. М. Горького на состоявшемся в тот день беседе.

Публикацию подготовил кандидат филологических наук Н. И. Родионов.

Я НЕ ЗНАЮ, товарищи, нужно ли предупреждать вас, что я выступаю здесь не в качестве законодателя, учителя и т. д., а просто — в качестве товарища, равного со всеми вами.

Что, собственно, побудило меня беспокоить вас? Суть в том, что через определенное количество месяцев будет 20-летие Октября. Драматургия у нас отсталла, и есть опасность, что кинематографисты перегонят нас... Наша кинематография становится все более и более полной силой, силой, которая имеет большее значение, чем театр, в том смысле, что она привлекает к себе большее количество зрителей.

В. Вишневский. Как вы смотрите на взаимоотношения киноработников и писателей в целом и затем в более узком плане?

М. Горький. Что касается отношений в целом, то это как раз то, о чем я собираюсь говорить. Что касается отношений личного порядка, то, как бы это сказать, — я считаю неуместным ставить этот вопрос. Через эти вещи нужно перешагивать, т. е. через личные отношения, не выносить их далеко.

Что такое личные отношения, если только они не основаны на целом ряде разногласий существенно-

го идеологического характера, на различном отношении к материалу и т. д.? Если позволено будет рассказать на мой личный опыт, то я сказал бы следующее, что, вероятно, подтвердят люди моего возраста и моего поколения — мне, в 25—30 лет, приходилось работать с людьми, которые в личных отношениях были мне антипатичны. Антипатичны они были как по их внешнему характеру, так и по их социальному поведению, однако я работал, потому что нужно было.

У вас этого нет, не должно быть.

Это нужно стереть. Нужно перешагивать через это, нужно взять друг друга крепко, я не знаю как сказать — за горло, что ли, или еще как, но вообще вплотную поговорить — в чем дело? Чего мы должны достичь, товарищи? Это — какой-то дружной работы, которая бы активизировала творческие способности каждого из нас, дала нам возможность создать те ценности, которых страна ждет и на которые она имеет право рассчитывать, которых она имеет право от нас требовать.

Вот вы говорите о драматургии.

Да — отстает. До сих пор, насколько я знаю, нашей советской драматургией не даны крупные типы, не даны такие фигуры, слова и поведение которых вошли бы в пословицу — стали бы мерилом общественного социального поведения. Старая, дореволюционная литература такими типами очень богата. Есть Расплюсы, Хлестаковы, Маниловы, которые воплощают в себе типичные характеры и которые позволяют называть людей их содержанием. Есть Балалайкины и т. д. Словом, есть большое количество типов, от которых можно или

отталкиваться, или которыми, наоборот, можно бить.

Советская драматургия не создала таких типов. Почему?

Вот мне приходится повторять то, что я многократно говорил и что, вероятно, вам уже надоело. Это — об отсутствии у нас комплексного знания действительности. Мы плохо ее знаем. Нет у нас знания всех факторов, всех явлений в их взаимоотношении. Этим мы бедны. Мы слишком рано становимся специалистами. А как известно, специалист подобен флюсу.

...Посмотрите, как действительно по-

ставлены герои и вообще все лица в старых пьесах, как они мало говорят и как они много делают. Я уже не буду указывать на таких колоссов этого дела, на таких мастеров, как Шекспир. Умели люди это делать!..

Мотив самозащиты личности против государства — вот что преобладало раньше. ...Если возвратиться к типам, то посмотрите, сколько нами пропущено таких моментов, таких тем, которые, будучи хорошо разработаны, дали бы интересные драматические положения. Возьмите человека религиозного, из которого эту религию вышибает не чья-то пропаганда и словесное давление, а сама действительность. Возьмите типа изобретателя. Здесь есть три типа, которые могут быть совмещены в одной пьесе, но могут и не совмещаться. Могут быть изобретатели трех типов. Во-первых, изобретатель пустяков, различных мелочей, которые более или менее украшают или облегчают быт.

Затем изобретатель, который обладает какими-то техническими знаниями и пытается, исходя из них, развивать их больше, построить более сложную машину, более дешевую и т. д.

Наконец, есть советский изобретатель — человек в высшей степени дерзновенной мечты. Он молод, у него не загружен тем, что было сделано до него, что он всосал с молоком матери. И человек мечтает — как бы использовать силу вращения земли вокруг своей оси или растопить льды Арктики и т. д. Такой человек — это наша фигура, таких людей у нас бесчисленное количество и они должны быть показанными как типы, ибо это типы...

Затем у нас не дано типа кулака. Этот враг совершенно явно ощущимый, не только физически существующий, но и определенно действующий. Но когда его берут и изображают, то обычно изображают крестьянина, который напакости, который кого-то убил, иногда жену свою убил и т. д. И когда смотришь на этого человека на сцене, то думаешь, а, собственно говоря, — это мелочь и дрянь. А ведь он не дрянь, он не мелочь. Это настоящий кондовый, русский человек, созданный веками. Он прекрасно рассуждает. Он может говорить, например, такие вещи: например, у него сын оказался комсомольцем и мешает ему жить, и doch мешает ему жить и вот он рассуждает со своими приятелями: дескать, сукин сын, в большевики пошел. Да, а вот Иван Грозный убил своего сына, когда он от него откололся. Петр I тоже убил. Был еще король испанский, который тоже убил своего

сына. Так если помазанники божии убивают, то нам грехи почему не убить?

Это правильно, так рассуждают. Но в фигурах, которые дают наши драматурги, нет этой исторической начинки, а ведь классовая начинка — историческая начинка, и она здорово глубоко сидит. Вы это знаете.

И вот нужно противопоставить ему человека с задачами, которые не обицнулись, не преувеличиваются, можно назвать мировыми задачами. Ведь в конечном счете то, что мы делаем, — это мировое дело. И вот противопоставьте-ка этого человека, по-настоящемупитавшего в себе это сознание, да, мало сказать, сознание, а эмоциональную какую-то силу, необходимость сопротивляться, искоренять все то, что мешает людям жить так, как они хотят жить, как они должны жить, — противопоставьте эти две фигуры и вы получите драму небывалую в мире, которая не могла быть раньше. Потому что все эти Уриэль Акосты и другие — это еще мало по сравнению с тем, что может дать наша драматургия.

Так чем же объясняется такое странное умаление таких больших фигур, которые в действительности даны и хотя может быть разбиты на частные виды, но ведь частности нужно обобщать, чтобы видеть было, до какой степени они сильны и до какой степени они вредны.

Нет у нас этого обобщения. Чем мешает этому обобщению? По моему мнению, какой-то недостаточное знаний. Вернее, — комплексное знания — и затем, просто какое-недопонимание той руководящей той властвующей над историей идем, которая диктует нам всю и шую работу.

В дальнейшем нужно поставить задачу чисто практическими. Нужно вооружаться. Нужно как-то объединить, сплотить наши ряды, зажечь такой дружной жизнью, которая позволила нам помогать друг другу в этой работе, друг с другом делиться, вместе работать, вместе критиковать друг друга по-товарищески, по-приятельски. Нужно ка то все это организовать.

Не знаю, я, может быть, ошибаюсь, но суть в том, что я никоим образом не могу допустить, что это не осуществимо. Это должно быть осуществимо. Новые вы люди и не новые? Новые. Живете в совершенно новой обстановке, при новых влияниях. Ведь как-то эти влияния на вас действовать должны? Должны. Сопротивляйтесь вы им? Нам кажется, не сопротивляется.

В чем же дело? Дело в охвате этой действительности, в широте изучения и проникновения в глубочайший смысл явлений.

Вот, мне кажется, в чем суть дела. Это то, что я хотел вам сказать. Давайте поговорим по этому поводу и, может быть, придем каким-то практическим выводам, потому что на сегодняшний день нужно работать лучше, чем мы работаем. Надо работать лучше.